

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ М. ВЕБЕРА

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.

Аннотация: работа посвящена понимающей социологии известного немецкого социолога, в которой он ставит принципиально новую, по сравнению с классической социологией, задачу понимания смыслов социальной деятельности. «Королевский вопрос», который ставит Вебер перед понимающей социологией, состоит в следующем: как социолог может понять субъективные (неманифестированные в действиях индивида) смыслы (мотивы, цели действия). По существу, Вебер предлагает первый проект социальной герменевтики, который был развит позднее представителями социальной феноменологии (А. Шюцем и его последователями). В работе критически анализируются исходные понятия, принципы и методы понимающей социологии.

Ключевые слова: социальное действие, смысл, понимание, объяснение, интерпретация, идеальный тип, рациональность.

Abstract: the article is devoted to «understanding sociology» of M. Veber. M. Veber was the first one who turned against classical sociological way of thinking. He founded new, comparing to the classical tradition, way of questioning of the meaning of the so-called «social act». The basic question of M. Veber can be formulated in such a way – how it is possible for the sociologist to understand the subjective (non-actually manifested) meanings (intentions, motives, etc) of the social act. Thus, M. Veber founds the first project of social hermeneutics. Later this project was successfully developed and included into the theory of the social phenomenology of A. Schutz and his school. In the article also critically analyzed the basic concepts, principles and methods of the understanding sociology.

Key words: social act, meaning, understanding, interpretation, mental stereotype, rationality.

Творчество М. Вебера сыграло важнейшую роль в повороте социологии в сторону решения задач, связанных с проблематикой понимания человеческих (социальных) смыслов. Принципиальное отличие понимающей социологии Вебера от предшествующих социологических теорий заключалось в том, что он не пытался разрабатывать онтологическую теорию социальных действий (их сущности, структуры, социальной детерминированности), но выдвинул, по сути дела, принципиально новую методологическую задачу: каким образом социолог может понять смыслы действий индивидов. По существу, Вебер вводил в социологию герменевтическое измерение, хотя в своих трудах он ни разу «не произнес» слова «герменевтика».

На творчество Вебера, безусловно, оказали влияние идеи «философии жизни» Дильтея и представителей Баденской школы. Именно в трудах

этих философов был провозглашен тезис о принципиальном различии гуманитарных наук – «наук о духе» (таких как история, филология, философия, психология, культурология) – и естественных наук (наук о природе). Это различие коренится в том, что гуманитарные науки имеют дело с изучением творчества личности, для которого характерно порождение смыслов (активность «духа»), тогда как природа не обладает смыслами (сознанием). Отсюда проистекают принципиальные различия в гносеологических установках «наук о природе» и «наук о духе». Если первые ориентируются на выявление всеобщего, объективного в изучаемых явлениях, открытие законов, каузальных связей, то вторые имеют дело с индивидуальным, личностным началом в творчестве человека, его субъективной активностью. Поэтому в естественных науках главенствует, по мнению представителей «антропологического поворота» в философии, *объяснение* природных явлений, а «науки о духе», с их точки зрения, должны быть устремлены к *пониманию* индивидуального творчества человека.

Социологию многие ученые трактовали как «социальную физику». Классическая социология действительно, как и физика, стремилась раскрыть общие законы социума, активно использовала для этого общие понятия (макроскопические параметры), такие как «общество», «государство», «политика», «экономика», «классовая борьба» и т.д. Она старалась опираться на прочную эмпирическую базу (статистические исследования), применяла математический аппарат для выявления корреляций социальных феноменов.

Вебер первоначально критически воспринял идею «понимания», пропагандируемую новыми философами в качестве методологической установки гуманитарных наук, по причине ее явного тяготения к психологизму в познании культурных феноменов. Действительно, понимание в изучении культурных феноменов (преданий, мифов, литературных текстов, а также исторических событий) трактовалось представителями антропологического поворота как «вживание» в текст, «вчувствование», «сопереживание» исследователя (или читателя) автору текста. В упомянутом повороте к психологизму он увидел угрозу общенаучному идеалу объективности научного познания.

Однако впоследствии Вебер вводит категорию «понимания» в русло социологических исследований в своем проекте понимающей социологии, пытаясь освободить указанное понятие от психологических наслоений. Вместе с тем, немецкий социолог не отказывается и от объяснения социальных действий как важнейшей интенции социологии. «Социология, – отмечает Вебер, – категорически отвергает утверждение, будто “понимание” и “объяснение” не взаимосвязаны» [1, с. 504]. Однако попытка автора понимающей социологии согласовать в одной (методологической) теории два разных принципа, взятых из двух различных источников, субъективно воспринимаемая читателем как попытка усидеть одновременно на двух стульях, создает большие трудности для адекватного прочтения его выдающегося труда. Мы постараемся показать, что у Вебера здесь нет противоречия в согласовании принципов объяснения и понимания;

скорее, их единство в изучении социальных действий следует истолковывать в духе известного «принципа дополнительности».

Рассмотрим узловые понятия, которые лежат в основе понимающей социологии. К ним относятся понятия социального действия, социального отношения, понимания и, конечно, известная веберовская концепция «идеального типа». По Веберу, «Социология есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [1, с. 504]. Уже в этом определении намечается противостояние веберовской социологии распространенным всеохватным холистским теориям, оперирующим «макроскопическими» параметрами (общество в целом, государство, общественная жизнь, формация, цивилизация и т.п.). В основе всех подобных глобальных социальных феноменов в конечном счете, по Веберу, лежат социальные действия индивидов.

Под социальным действием Вебер понимает любое действие (производство товара для продажи, его покупку, забастовку, голосование на выборах, молчаливое согласие или неприятие действий других лиц и т.п.), которое совершается с полагаемым (конституируемым самим действующим субъектом) смыслом и соотносится с действием *других* людей. «Столкновение двух велосипедистов, например, — пишет Вебер, — не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения — последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта — является уже “социальным действием”» [1, с. 626]. Таким образом, действия реактивные, инстинктивные (например, моргание глазами при резкой вспышке света, чихание при заболевании гриппом) не являются социальными, потому что они не предполагают какого-либо запланированного субъектом смысла. Не являются социальными и действия, хотя и осмысленные, но не затрагивающие отношения действующего субъекта с другими лицами. Например, если человек забежал под навес, спасаясь от дождя, то его действие является осмысленным, но не социальным.

Однако вопрос о соотносимости индивидуального действия с действиями других лиц не является простым и очевидным. Например, человек строит дом для себя, но в современных условиях ему приходится согласовывать свой проект со многими бюрократическими структурами. Так что это действие является, безусловно, социальным. Действие индивида может соотноситься с весьма отдаленными последствиями (в будущем) его восприятия потомками, как, например, рисунки Леонардо да Винчи, изображающие вертолет или подводную лодку. И это действие мы считаем социальным. Но в своих действиях человек может опираться на знания предшествующих поколений, на транслируемые от поколения к поколению навыки, умения, смыслы анонимных авторов, хранящиеся в исторической памяти народа. Например, предприниматель может использовать арифметику для расчета своих финансов. Это действие тоже можно считать социальным, ибо его не может осуществлять ни дикий, ни животное. Поэтому трудно согласиться с утверждением Вебера, что мо-

литва, совершенная в одиночестве с личностными обращениями к Богу, не является социальным действием. Ведь молитва с ее религиозными смыслами входит в тысячелетнюю традицию и соотносит молящегося с религиозным опытом предшествующих поколений.

В своих действиях человек нередко сталкивается не только с ближайшим окружением родных, знакомых или просто со случайным человеком, встретившимся на его пути, но и соотносит свои действия с *обобщенным другим* (по терминологии Дж. Мида), т.е. учитывает обобществленные знания, нормы, ценности, условности того общества, в котором он действует. Не случайно Вебер при анализе социальных отношений говорит о нравах, обычаях, социальных институтах.

Социальным отношением Вебер называет «поведение нескольких людей, *соотнесенное* по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно состоит в *возможности* того, что социальное поведение будет носить доступный (осмысленному) определению характер» [1, с. 630]. Соотнесенность с другим или другими, как мы уже указывали, может быть различной, даже минимальная «степень отношения *одного* индивида к *другому*» [там же]. Содержание социального отношения весьма многогранно: это может быть «борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, «выполнение» соглашения, «уклонение» или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера; сословная, национальная или классовая общность» [там же]. Весьма различной может быть глубина и адекватность осмысления социальных действий. Именно для характеристики степени осмысления действий Вебер вводит представление о типах рациональности.

Соотносимость взаимных действий, по Веберу, отнюдь не означает, что индивиды в своем взаимодействии руководствуются одним и тем же смыслом. В отличие от ученых, которые связывают процесс понимания Другого с принятием его точки зрения, согласием с ним, или хотя бы сочувствием, Вебер придерживается иного мнения. «Мы никоим образом не утверждаем, – пишет немецкий социолог, – что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение *одинаковый* смысл, или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в *этом* смысле здесь существует взаимность. «Дружба», «любовь», «уважение», «верность договору», «чувство национальной общности», присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно «односторонним» для каждого из его участников» [1, с. 631]. Здесь позиция Вебера перекликается с мнением нашего выдающегося отечественного литературоведа и философа М. Бахтина, который считал, что понимание связано с имманентной интерпретацией смыслов действий Другого, но это отнюдь не обязывает понимающего к принятию его жизненной позиции, убеждений, личностных смыслов: можно понимать Другого, оставаясь при своей точке зрения.

Социальное отношение, по Веберу, остается социальным даже тогда, когда действующие руководствуются различными смыслами. Для «двустороннего» социального действия важно «не согласие» (в смыслах), а взаимная соотнесенность позиций, как это происходит в ситуации «купли-продажи»: один стремится продать подороже, другой – купить подешевле. «В реальной действительности социальное отношение, полностью покоящееся на обоюдных соответствующих друг другу по своему смыслу установках, – пишет Вебер, – есть пограничный случай. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает (по нашей терминологии) “социальное отношение”, когда в результате этого исчезает взаимная *соотнесенность* поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий» [1, с. 632].

Соотнесенность социального действия означает наличие определенных *ожиданий* на мои действия со стороны Другого. Как говорил Дж. Мид, в социальном действии «другой присутствует во мне» именно благодаря моим ожиданиям его реакции на мое действие. В последнее время в социологии все чаще разводят понятия «социальный» и «социетальный». Под «социальностью» понимаются прежде всего связи (отношения, взаимообусловленности), существующие между действиями индивидов в обществе, например, между действиями покупателя и продавца. Под «социетальностью» понимают существующий в обществе порядок, с той или иной степенью жесткости регламентирующий протекание (реализацию) определенных действий. В какой-то степени это различие принимает и Вебер в своих понятиях «общностных (Gemeinschaftshandeln)» и «обобществленных (Gesellschaftshandeln)» действий: «Об “общностно ориентированных действиях” (Gemeinschaftshandeln) мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно *осмысленно* соотносятся с поведением других людей» [1, с. 509]. Важнейшей характеристикой общностно ориентированных действий является смысловая ориентация на *ожидание* определенного поведения других и, в соответствии с этим, субъективная оценка шанса на успех собственных действий.

Ожидания субъективно рационально действующего индивида, по Веберу, могут основываться и на том, что он предполагает возможным ожидать от других субъективно *осмысленного* поведения и тем самым с различной степенью вероятности заранее исчислить, основываясь на определенных *смысловых* связях, шансы других людей. Это ожидание может быть субъективно основанным прежде всего на том, что действующий индивид «приходит к соглашению» с другими лицами, «достигает договоренности» с ними, «соблюдения» которой (в соответствии с его собственным осмыслением такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них [1, с. 510]. Общностно ориентированные действия не сводятся к независимым (хотя и осмысленным) и чаще всего одинаковым действиям индивидов, вызванным какой-либо природной или социальной причиной. Так, в случае дождя многие люди одновременно открывают зонты, а в случае предстоящего банкротства банка стараются, независимо друг от друга, забрать свои вклады. Не яв-

ляются общностными и массовые действия людей в толпе, например, их поведение при пожаре, ибо чаще всего в нем отсутствует запланированный индивидуальный (субъективный) смысл. Целерациональное действие субъекта всегда является общностно ориентированным.

Обобществленно ориентированные действия выражают связь поведения индивида с существующим в обществе социетальным порядком. Этот порядок устанавливает некоторые общие требования (правила) осуществления социальных действий. К ним относятся «образцы (парадигмы)» правильных действий, нормы, доминирующие в обществе ценности. В качестве определяющих условий обобществленных действий Вебер принимает и коллективные представления каких-либо групп или слоев общества (например, религию). Отсюда видно, что Вебера нельзя причислять к номиналистам (в средневековом смысле этого слова, т.е. к мыслителям, отрицающим реальное существование общих социальных феноменов в обществе). Мысль Вебера сводилась только к тому, что общие (коллективные) представления (смыслы) и действия всегда складываются в предельном случае (в своем генезисе) из индивидуальных смыслов и действий. Такие выражения, как «действие государства, партии, класса» и т.п., немецкий социолог рассматривал, скорее, как метафору, скрывающую истинную индивидуальную природу происхождения смысла. Нет «коллективной головы», в которой мог бы родиться коллективный (общий) смысл, но есть совместные действия людей (членов правительства, членов партии и т.п.) и просто повторяющиеся (типичные) действия индивидов.

«Содержание социальных отношений, — отмечает Вебер, — мы будем называть “порядком” только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо определяемые максимы. Говорить о “значимости” порядка мы будем только в тех случаях, когда фактическая ориентация на эти максимы происходит хотя бы отчасти (то есть в той степени, в какой она может играть практическую роль) потому, что они считаются значимыми для поведения индивида, то есть обязательными для него, или служат ему образцом, достойным подражания» [1, с. 636]. Наличие социетального порядка обуславливает обобществленную природу социальных действий, их зависимость не только от ожиданий действий другого в ответ на мое действие, но от реакции на него «общества в целом». Так, употребление денег покупателем в качестве платежа зависит не только от согласия на такую форму обмена со стороны продавца, но и от установившейся обобществленной нормы (денежного эквивалента стоимости) для всех членов рыночного общества.

Установившийся в обществе порядок «значим» в том смысле, что он в известной степени (с той или иной силой) задает спектр (рамки) желательных и нежелательных, запрещенных и разрешенных действий. Это не означает, что отдельный индивид не может нарушать указанного порядка, однако даже в случае таких нарушений люди стараются каким-либо образом завуалировать или скрыть свои нарушения, тем самым косвенно подтверждая значимость существующего порядка. Так, например,

вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права; человек, участвующий в дуэли, ориентирует свое поведение на кодекс чести; скрывая же свои действия или, наоборот, представ перед судом, он ориентируется на уголовное законодательство.

В основе принятых ограничений на возможные действия в обществе могут лежать те или иные условности договорного характера; привычки, обусловленные типическими (повторяющимися) действиями; нравы, имеющие этическую окраску; обычаи и право. Указанные формы организации порядка различаются степенью их обязательности для действий индивидов и экстенсивностью (широтой) их распространения в обществе. Нравы основываются на привычке и могут различаться в различных группах внутри общества. Если нравы укореняются в обществе и действуют продолжительное время, мы имеем дело с обычаем. Отклонение от условностей, нравов и обычаев осуждается в той или иной степени в определенной группе людей. «Стабильность *обычая* (как такового) основана, в сущности, – пишет Вебер, – на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок «принятого» в его кругу, то есть должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятности, пока большинство окружающих его людей считается с существованием *обычая* и руководствуется им в своем поведении» [1, с. 636].

Право имеет всеобщий и более жесткий характер, оно основывается на принуждении, осуществляемом особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит обязанность охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы. Порядок, основанный на праве, Вебер называет легитимным.

Перейдем теперь к понятию смысла, которое играет важную роль в концепции Вебера. К сожалению, немецкий социолог не уделяет достаточного внимания анализу общих (родовых) признаков смысла, т.е. не отвечает на сакраментальный вопрос, что есть смысл, полагая, по-видимому, этот ответ само собой разумеющимся. На самом деле в определении данного понятия существует проблема. Мы уже отмечали, что в логико-семантических теориях смысл чаще всего трактуется как инвариант мысли (пропозиция), связывающий имя с соответствующим предикатом. Проще говоря, смысл – это характеристика предмета мысли (например, *осел есть животное*) [2]. Данное определение адекватно выражает сущность языковых (и вообще всех знаковых) смыслов, и не все исследователи считают его применимым к деятельностным смыслам. Однако Дж. Сёрль, известный разработчик теории речевых актов, считает, что все деятельностные смыслы (мотива, цели, применяемых средств и самого действия) имеют пропозициональную основу [3]. Это означает, что смысл мотива должен выражать мысль субъекта о том, чего он хочет, ради чего затевает определенным образом направленную деятельность; смысл цели касается образа желаемого будущего (результата деятельности); смысл используемых средств сводится к мысленной характеристике адекватности их достижению поставленной цели; смысл самого действия выражает мыс-

ленное представление о необходимом способе действий (операций) самого субъекта, ведущем к достижению цели.

Характеризуя смыслы социальных действий, Вебер отмечает такие их характеристики, как *осмысленность* и *рациональность*. Осмысленность, по-видимому, и есть мысленное представление указанных элементов деятельности, а там, где есть мысль, реализуется и ее инвариантная пропозициональная основа. Другое дело, что в процессе продумывания, осмысления действий субъект не всегда использует языковую форму, он может использовать различные мнемонические знаки, рисунки, чертежи и даже жесты.

Рациональность, безусловно, предполагает наличие смысла в указанных элементах деятельности (т.е. их внутреннюю сопровождаемость осмыслением), но, вместе с тем, она предполагает и установление смысловой связи между всеми ее элементами, их смысловую совместимость, правильность. Действия, нарушающие эту правильность (когда *рубят сук, на котором сидят*), исключающие согласование и последовательность различных операций, ведущих к цели, или вообще бесцельные действия не могут считаться рациональными. «Непосредственно “наиболее понятный” тип смысловой структуры действий, – пишет Вебер, – представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) однозначно и ясно постигнутых целей» [1, с. 499].

Перейдем теперь к понятию понимания. Это понятие весьма амбивалентно в обыденном сознании, часто с ним связывают психологические взаимоотношения людей, такие как сочувствие, способность «прислушаться» к позиции человека, простить или оправдать его, принять его точку зрения и т.д. В естествознании понимание обычно связывают с возможностью раскрытия причинной обусловленности природных явлений. В рамках упоминавшегося «антропологического поворота» в философии его адепты стали применять понятие «понимание» исключительно к познанию проявлений «человеческого духа» в гуманитарной сфере (истории, литературе, искусстве). Именно в рамках указанного подхода появляются такие соотносимые с «пониманием» концепты, как «вчувствование» (в текст), «сопереживание» (позиции автора или героя), «конгениальность» (таланту автора).

Все подобные толкования слова «понять» лежат за пределом веберовской установки на «понимание», хотя иногда у него термин «сопереживание» появляется в связи с пониманием аффективных действий. Предметом понимания в социологии, по Веберу, является не человек «вообще» (такая постановка вопроса является весьма абстрактной и неразрешимой), а социальная деятельность, осуществляемая социальным агентом с определенным субъективным смыслом. Понимание социолога направлено на выявление указанного субъективного смысла, и в своей сущности является интеллектуальным процессом, ориентированным на реконструкцию, выявление этого смысла. «Не надо быть Цезарем, чтобы понять

Цезаря», – утверждает Вебер. Речь не идет, следовательно, ни о согласии социолога с точкой зрения или убеждениями актора, ни о его симпатиях или антипатиях по отношению к действующему, ни о каком-то единственно верном метафизическом смысле, а только о реконструкции «хода мыслей» действующего субъекта, его «смысловых связей» в планировании и реализации деятельности. «Здесь вообще, – пишет Вебер, – не идет речь о каком-либо объективно “правильном” или метафизически постигнутом “истинном” смысле» [1, с. 603]. Наиболее понятной в связи с этим является именно рациональная (осмысленная) деятельность наблюдаемого субъекта, которой присуща определенная логика смысла: мотив логично перетекает в цель, цель предопределяет выбор соответствующих средств и действий. Идя от наблюдаемого результата действий, социолог может (имеет шанс) восстановить эту «логику смысла». Следовательно, понимание есть воссоздание (реконструкция) как самого смысла действия, так и его мотива.

Ситуация понимания действий предполагает участие в ней, по меньшей мере, двух субъектов: самого действующего (Вебер называет его актором) и наблюдателя, пытающегося понять его действия. В центре внимания Вебера оказываются эпистемологические возможности (в распознавании смыслов актора) особого наблюдателя – социолога. Отсюда ясно, что в данной ситуации речь может идти о двух различных, но вместе с тем корреляционно связанных видах смысла. Один из них является смыслом действий самого актора, другой представляет собой реконструированный социологом «смысл» из наблюдений над поведением актора. Первый смысл Вебер называет «субъективным смыслом», имея в виду его принадлежность действующему субъекту, его внутренние интенции, направленные на осмысление собственных мотивов и целей, иногда социолог называет его смыслом, «предполагаемым» самим актором. Задача наблюдающего социолога состоит в адекватном воспроизведении этого «предполагаемого» субъективного смысла. Понимание, по существу, и сводится (на основе предложенной Вебером концепции идеальных типов) к выявлению (экспликации) скрытых «субъективных смыслов». При экспликации (подобной распознаванию смыслов, стоящих за написанным или произнесенным кем-то словом) возникает второй смысл, созданный (реконструированный, интерпретированный, объясненный) познающим социологом. Все муки и усилия социолога (да и любого наблюдателя) сводятся к преодолению герменевтического разрыва между этими двумя смыслами (или, как говорит сам Вебер, к установлению их «смысловой соотнесенности»), ибо главная задача понимания состоит в адекватности, сопряженности этих смыслов: смысл, реконструированный наблюдателем, должен совпадать по своему содержанию с «субъективным» смыслом самого действующего.

Резюмируя сказанное, приводим слова самого немецкого социолога: «Слово “смысл” имеет здесь два значения. Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации, или, приближенным, средним смыс-

лом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным *чистым* типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации» [1, с. 603].

Справедливости ради следует заметить, что герменевтическое противостояние между двумя смыслами (актора и наблюдателя) недостаточно четко фиксируется в понимающей социологии Вебера, что впоследствии дало основание А. Шюцу обвинить немецкого социолога в подмене понятий. Суть этой подмены, по мнению А. Шюца, заключается в том, что на место субъективного смысла актора социолог ставит теоретически конструируемый смысл внешнего наблюдателя.

Теперь поставим важнейший эпистемологический вопрос: что является для социолога эмпирической основой для конструирования теоретического смысла, который должен совпасть с «предполагаемым» субъективным смыслом самого актора? Вокруг этого вопроса вертится вся концепция понимающей социологии Вебера. Казалось бы, таким объектом для социолога должен стать «субъективный смысл» актора. Но он-то как раз и не является феноменом *наблюдаемым*. Наблюдаемыми могут быть только *манифестированные действия* актора, т.е. такие, которые проявляются в какой-либо «материальной» форме: знаке, звучащем слове, жесте, телодвижении (по терминологии А. Шюца) и даже в «значимом» молчании. Манифестированное действие «само по себе» не является смыслом (т.е. мысленным образом), но оно «хранит» в себе смысл (вернее, следы преднамеренного, запланированного актором смысла), если, конечно, оно было произведено актором с определенным смыслом. Часто в нашей литературе манифестированные в предметной форме действия называют (по Гегелю) *опредмеченным* и *отчужденным* от действующего субъекта смыслом.

Всякое понимание начинается с констатации наблюдаемого манифестированного действия, и социолог (как и наблюдатель, которому адресовано действие) должен установить, что делает актор (прицеливается, рубит лес, вычисляет). «Сначала надо знать, что *делает* “король”, “чиновник”, “предприниматель”, “сутенер”, “колдун”, то есть каково действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу» [1, с. 619].

Обычно, в повседневной жизни, мы легко (*непосредственно*, по терминологии Вебера) распознаем этот смысл, когда наблюдаем, как дровосек замахивается топором, чтобы срубить дерево, или когда охотник целится в зверя, чтобы произвести выстрел. Вот как об этом говорит сам Вебер: «Понимание может быть ... *непосредственным* пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «понимаем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей); или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, жестах, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное

понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий)» [1, с. 608].

Однако «непосредственность» здесь весьма и весьма проблематична. Лишь в современной социальной феноменологии была раскрыта объективно-социальная основа «непосредственного» понимания, заключающаяся в *типичности* повседневных действий [4]. Мы «обычно» не понимаем профессиональных действий физика, включающего незнакомый нам прибор, химика, смешивающего какие-то жидкости, часовщика, орудующего отверткой над нашими часами, и т.д. Но мы понимаем математическое выражение $2 \times 2 = 4$, смысл которого усвоен нами из школы, гнев человека, проявляющийся в его мимике или ругани, зачастую сопровождающейся нецензурной лексикой.

Последние два случая лежат на крайних полюсах понимания человеческого поведения. Общеизвестное математическое выражение, как и многие другие общезначимые смыслы (*Волга впадает в Каспийское море, кошки поедают мышей*), хранятся в коллективной памяти (общественном сознании), их автором, демиургом, безусловно, является человек, хотя и не известный нам, т.е. аноним. Подобные смыслы являются надличностными, коллективными и даже, можно сказать, объективированными феноменами, ибо они входят в общечеловеческий опыт и присваиваются (т.е. осознаются) каждым индивидом в процессе его социализации.

Совсем иное представляет собой «гнев». Состояние гнева мы не можем отнести к запланированным смыслам наблюдаемого индивида, скорее можно сказать, что оно иррационально, что в нем не содержится «предполагаемый» субъективный смысл гневающегося субъекта. Наблюдаемое поведение в этом случае реактивно, оно не осмыслено самим субъектом, но оно осмысливается внешним наблюдателем, который констатирует, что «*наблюдаемый человек гневается*». Последнее утверждение есть смысл, конституированный наблюдателем, но не самим действующим, здесь даже нельзя ставить вопрос о совпадении теоретического смысла социолога и субъективного смысла самого актора. Ситуация здесь подобна смыслу путешественника, отмечающего, что *лес шумит, молния сверкает* (все это смыслы). В самих явлениях природы нет «субъективного» смысла, но есть смысл путешественника, естествоиспытателя, наблюдателя, описывающих или познающих какие-либо природные феномены.

Вебер подчеркивает, что субъективные смыслы мы можем приписывать не только действующим субъектам, но и вовлекаемым в действие неодушевленным предметам (артефактам) – инструментам, приборам, орудиям – ибо, несмотря на то, что актор использует их для достижения своих личностных целей, успешное и рациональное применение основывается на смыслах (идеях), заложенных в артефакт его создателем. «Каждый артефакт, – пишет Вебер, – например “машина”, может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий

человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением; без этого соотнесения назначение такого артефакта остается совершенно непонятным. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с *действиями* человека, который видит в нем либо “средство”, либо цель и ориентирует на это свое поведение» [1, с. 606].

Итак, первый этап понимания действий актора связан с раскрытием смысла наблюдаемого, манифестированного действия. Но уже здесь (на первом этапе) важно осознание герменевтической установки на раскрытие «субъективного смысла» действия, что отличает его от явлений природы, в которых этого смысла как раз и не существует. Этот момент недостаточно освящен Вебером. Что здесь имеется в виду? Наблюдая манифестированные действия, наблюдатель может сказать, что дровосек рубит лес (заготавливает его для каких-либо нужд), охотник прицеливается, чтобы убить зверя и т.д. Но это смыслы самого наблюдателя. А что происходит на самом деле? Вполне возможно, что наблюдаемый действующий человек в первом случае просто занимается физкультурой, во втором случае просто задумал попугать кого-то. Но тогда никакого понимания действующего не происходит, мы можем сказать, что наблюдающий просто излагает свою версию происходящих с его точки зрения событий. Но понимающую социологию, в отличие от классической (изучавшей, в основном, объективные законы общества, связи и отношения, складывающиеся между различными социальными сферами), интересует понимание смыслов действующего субъекта, которые тот вкладывает в свои действия. А это уже другая, принципиально герменевтическая задача!

Герменевтическая установка на понимание реализуется лишь в случае допущения принципиально важной гипотезы, согласно которой *субъект действовал осмысленно (рационально)*, и наблюдаемое нами действие было им замыслено, спланировано. Только в этом случае появляется шанс, что «теоретически сконструированный» смысл социолога приближается к субъективному смыслу самого актора. Герменевтическая установка на понимание субъективных смыслов действий актора накладывает определенные ограничения на «значимость» наблюдаемых действий для внешнего наблюдателя (социолога), когда тот ставит задачу реконструкции этого «предполагаемого» (действующим субъектом) смысла. В гносеологии эту значимость называют релевантностью.

Как физика при конструировании гипотезы интересуют отнюдь не все наблюдаемые в природе явления, а лишь релевантные решению поставленной задачи, так и представителя понимающей социологии должны интересовать не все «телодвижения» действующего субъекта, а лишь «значимые», свидетельствующие об осмысленном характере его действий. Вебер говорит в этом случае о соотносимости наблюдаемых действий с «предполагаемым» смыслом. Например, мы говорим, что действия топором релевантны смыслам действия дровосека, а почесывания за ухом – не релевантны.

Далее следует учесть, что осмысленная деятельность включает в себя осмысленность не только отдельных ее элементов, но и смысловую целостную их связь. Только в этом случае мы будем иметь дело с рациональным подходом субъекта к решению поставленных им задач. Но манифестированные релевантные действия представляют собой лишь *часть смыслов* субъекта, присутствовавших при проектировании им своих действий. Например, мотивы действий обычно не манифестируются субъектом. Скрытыми от наблюдателя являются и альтернативные варианты достижения поставленной цели, которые действующий, возможно, продумывал в своем сознании. Вебер считает, что наблюдатель может (в определенных случаях) теоретически реконструировать мотивы действий, основываясь на предположении о смысловой связи элементов деятельности, т.е. ее рациональности.

Имея в виду эти скрытые от наблюдателя смыслы, которые социолог пытается вывести из непосредственно данного в наблюдении действия, Вебер говорит об *объясняющем понимании*. Вот достаточно развернутая его цитата по этому поводу: «Мы “понимаем” *мотивационно*, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это *сделал* именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам *смыслу* данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую *связь* (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор, либо сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это – понятные нам *смысловые связи*, понимание их мы рассматриваем как *объяснение* фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, “объяснить” – означает постигнуть смысловую *связь*, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие» [1, с. 608–609].

Понимание социальной деятельности, следовательно, складывается, из непосредственного понимания манифестированных действий актора, смысл которых социолог интерпретирует достаточно легко (ответ на вопрос, что делает актор), и объясняющего понимания мотива, базирующегося на допущении гипотезы о рациональной смысловой связи мотива с действием. Вебер, как мы уже указывали, не только не противопоставляет

«объяснение» и «интерпретацию», но постоянно соотносит эти интеллектуальные операции социолога: интерпретация опирается на объяснение мотива, объяснение исходит из интерпретации наблюдаемых действий.

Вернемся теперь снова к проблеме релевантности. Для понимающей социологии «значимыми» (т.е. релевантными) для объяснения поведения наблюдаемого субъекта являются только наполненные субъективным смыслом действия. Это значит, что действия реактивные, инстинктивные (как моргание глаза при вспышке света), иррациональные (как паника при пожаре) не могут быть подведены под объясняющую (на основе «предполагаемого» смысла) гипотезу. «Иную категорию, – отмечает Вебер, – образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы как эйфория при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. В конечном итоге положение дел здесь такое же, как и при других недоступных пониманию явлениях. В подобных случаях и в аспекте практической деятельности, и в аспекте понимающего рассмотрения они принимаются как «данность», с которой надо считаться» [1, с. 607]. Экстаз, мистическое переживание, поведение маленьких детей мы, по мнению Вебера, не понимаем, во всяком случае, так, как мы понимаем целерациональную деятельность взрослого человека. Это не означает, что указанные эффекты не влияют на поведение человека. Подобными феноменами активно интересуются психологи, для них они как раз являются релевантными. Но Вебер пытается отграничить понимающую социологию от понимающей психологии. Для него все, что не соответствует *связи (смысловой соотнесенности)* наблюдаемых манифестированных действий с предполагаемым смыслом, выходит за пределы понимающей социологии.

Конечно, поведение людей с различными психофизическими типами может существенно различаться по решительности действий индивидов, способности к скорости реакций, упорности в достижении целей, склонности к рискам и т.д. Но все эти различия индифферентны по отношению к инвариантному смыслу их мотива, например, стремлению получить прибыль от покупки акций. Именно в силу этой индифферентности социолог при объяснении смысла их действий может абстрагироваться от психофизических особенностей индивидов. Существуют наследственные заболевания психики, но никакие данные генетики не подскажут социологу, какими скрытыми смыслами руководствовался наблюдаемый субъект. «Мы понимаем, – утверждает Вебер, – поведение отдельных индивидов, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы «понять» не можем» [1, с. 616]. Вместе с тем, отмечает социолог, «события, лишённые смысла, субъективно соотнесенного с поведением других ... еще не безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться *решающие* условия, а следовательно, причины, определяющие поведение» [там же, с. 498]. Например, самоубийство мы объ-

ясняем депрессией, провал на экзаменах – волнением, панику – страхом и т.д., т.е. психологическими причинами. На первый взгляд, здесь возникает противоречие между герменевтическим (основанным на интерпретации смыслов) пониманием и каузальным объяснением, основанным на установлении психологических причин. Не случайно П. П. Гайденок в предисловии к трудам М. Вебера отмечает, что немецкий социолог так и не сумел «до конца освободиться от психологизма» [5, с. 21].

На самом деле указанная двойственность в толковании «понимания» у Вебера связана с применением этого понятия к идеально типическому рациональному действию, основанному на смысловых связях, и к реальным отклонениям от этого типа, в которых эта рациональность либо отсутствует, либо существенно нарушается. Но последние (отклоняющиеся) действия социолог, по мнению Вебера, тоже может понять, но не интерпретативно (герменевтически), а каузально (опираясь на причины психофизиологического или биологического порядка). Эта ситуация подобна, как отмечает Вебер, экономическому анализу (например, прибыли в сельскохозяйственном производстве), когда экономисту приходится учитывать не только экономические показатели, но и природные факторы (климатические данные, урожайность и т.п.)

Вебер признает, что в реальной жизни «граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру ... находится на границе того и другого» [1, с. 603]. Это создает трудности для социолога, пытающегося реконструировать мотив поведения. Действующий субъект может исходить из определенного мотива, однозначно определяющего цель действия; он может действовать в значительной мере интуитивно в ситуации неопределенности, не осознавая всех рисков; он может исходить из констелляции мотивов, созданных стечением различных обстоятельств; наконец, он может действовать чисто иррационально под влиянием сиюминутного порыва. Каким же образом социолог может реконструировать смыслы действующего субъекта? Вот здесь немецкий социолог и вводит свое понятие «идеальный тип деятельности». Идеальный тип деятельности – это идеализированное представление социолога о том, каким должно быть действие в случае его абсолютной рациональности, «объективной», как он выражается, «правильности». «Поведение, доступное рациональному толкованию, – отмечает Вебер, – в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий “идеальный тип”» [там же, с. 496].

Идеальный тип действует рационально, если его сознательно выбранный мотив однозначно обуславливает цель действия, которая однозначно детерминирует предпринимаемое действие. Именно идеально рациональное поведение наиболее прозрачно для его «понимания» внешним наблюдателем. Если действие «идеально» (в указанном смысле), то социолог может, двигаясь от констатации наблюдаемого действия (ответ на

вопрос, что же делает действующий субъект), логически восстановить его мотивы и цели. «Ведь непосредственно “наиболее понятный” тип смысловой структуры действий представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) однозначно и ясно постигнутых целей. Причем наиболее понятно оно в том случае, когда и самому исследователю вменяемые средства представляются наиболее адекватными поставленным целям» [1, с. 499].

Идеальное действие – это некий стандарт (методологическая установка), по которому социолог оценивает «правильность» (или неправильность) реального действия. По мнению Вебера, «конструкция целерационального действия – вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности – служит в социологии *типом* («идеальным типом»), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного» [1, с. 605–606].

Таким образом, Вебер отнюдь не утверждает, что в самой реальности существуют идеальные типы, или что нам понятны только «идеальные» действия. Эвристичность теоретической конструкции идеального типа заключается в следующем: исходя из нее, мы можем понять, что в наблюдаемом действии «правильно» или «неправильно». Вот здесь на помощь интерпретации смыслов правильной деятельности приходит каузальное объяснение. «Правильная», по Веберу, деятельность – это, деятельность, соответствующая «идеальному типу». «Чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений. Напротив, при любом объяснении «иррациональных» действий, то есть таких, где либо не принимаются во внимание «объективно» правильные условия целерационального действия, либо (вторая возможность) и субъективно в значительной степени исключаются целерациональные соображения действующего лица (например, при «биржевой панике»), необходимо прежде всего установить следующее: каким *было бы* это действие в рациональном идеально-типическом пограничном случае при абсолютной рациональности цели и рациональной правильности. Ибо только тогда, когда это установлено, может быть вообще, как показывает простейшее наблюдение, совершено каузальное сведение хода событий как к объективно, так и к субъективно «иррациональным» компонентам, так как только тогда мы знаем, что же в этом действии объясняется только “психологически»» [1, с. 500].

Однако в логически четко построенной концепции Вебера есть свои «бреши» и несостыковки. Особенно это касается понятия рациональности. Парадигмальный образ «идеальной» рациональности в голове социолога может и не совпадать с «рациональностью» действующего субъекта. «Субъективно целерационально ориентированное действие, – отмечает

немецкий социолог, – и действие, «правильно» ориентированное на то, что объективно значимо (рационально правильно), – в корне различные понятия. Исследователю, которому надлежит объяснить определенное действие, оно может казаться в высшей степени целерациональным, хотя и ориентированным на совершенно неубедительные, с его точки зрения, исходные позиции действующего лица» [1, с. 501].

Обратимся к примерам этнографических исследований жизни и действий людей в архаических обществах. Часто этнографы фиксируют наблюдаемые действия архаических людей, которые они расценивают как нерациональные с современной точки зрения. Однако, изучив символический универсум (мировоззренческий контекст), в котором протекает жизнь архаического человека (систему ценностей, родства, верования, табуированные запреты, веру в добрых и злых духов), этнографы приходят постепенно к выводу, что наблюдаемые действия являются в высшей степени рациональными с точки зрения существующего в племенном обществе архаического смыслового универсума. Заклинания шамана обладают для них не меньшей силой, чем рекомендации врача для современного человека. Например, Дж. Фрезер истолковывал магические действия древнего человека (такие как укалывание восковой фигурки врага для его убийства) как основанные на вере в действующую (на основе принципа дальнего действия) причинно-следственную связь. Недаром Вебер говорит, что «действия, ориентированные на магические представления, субъективно подчас значительно более целерациональны по своему характеру, чем какое-либо немагическое, “религиозное” поведение, так как с ростом расколдования мира религиозность неизбежно вынуждена (субъективно) все более прибегать к иррациональным по цели смысловым связям» [1, с. 501].

Казалось бы, что проблему выявления мотивов и целей можно решить просто. Задав вопрос индивиду о мотивах его действия, мы получим от него исчерпывающий ответ. Однако, как замечает Вебер, люди зачастую не могут дать вразумительного ответа относительно мотивов своего поведения. Так при опросах абитуриентов, поступающих на юридический факультет, выясняется, что многие из них не могут объяснить мотива своего поступка, или отделиваются общей ссылкой (*все поступают на юридический, и я пошел на юридический*). Кстати, подражательную деятельность Вебер не считал осмысленной.

Задача выявления субъективного смысла усложняется тем, что Вебер пытается установить некоторые общие принципы понимания социального действия в условиях отстраненного наблюдения социолога, когда ему доступно только наблюдаемое действие. В этих условиях и возможна ситуация, когда действия некоторого индивида, кажущиеся социологу рациональными, не являются на самом деле *субъективно* рациональными (т.е. совершенными на основе осмысленного мотива и однозначно сформулированной цели). И наоборот, действия субъективно целерациональные не представляются социологу «объективно» рациональными (т.е. соответствующими «идеальному типу»). «В подобных случаях, – как

замечает Вебер, – субъективная целерациональность (даже если она не замечена) и объективная рациональность правильности очень легко вступают в не вполне ясные взаимоотношения» [1, с. 502].

Как же разрубить этот гордиев узел, т.е. определить, что в деятельности субъекта рационально, а что не рационально? Для решения этой проблемы Вебер прибегает к принципу единства «смысловой адекватности» (при интерпретации мотивов действия) и «каузальной адекватности» (на основе представления мотива или цели в качестве причины наблюдаемого действия). Каузальное объяснение играет в понимающей социологии Вебера фундаментальную роль и в значительной мере сближает его позицию с естественнонаучной методологией. Каузальность, как объясняющая гипотеза, привлекается немецким социологом не только для объяснения различного рода внешних влияний на поведение субъекта (о чем уже говорилось), но и для его трактовки идеально-рациональной деятельности (для понимания «идеального типа»).

Дело в том, что Вебер трактует соотношение между мотивом и действием как причинно-следственную связь особого рода. «“Мотивом”, указывает социолог, – называется некое смысловое единство, представляющее действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» [1, с. 611]. Деятельность начинается с мотивации, далее мотив порождает цель (психологи говорят о перетекании мотива в цель), которая обуславливает выбор средств и, наконец, субъект на основе принятия решения (акта воли) совершает манифестированное действие. По мнению Вебера, именно для идеальной целерациональной деятельности характерна однозначная каузальная связь от мотива до реализации действия. «Смысловая связь ... становится понятной, а *тем самым* и объяснимой посредством категории “адекватной смыслу причинной обусловленности”. Совпадение с “правильным типом” составляет «самую понятную каузальную связь», поскольку именно она “наиболее адекватна смыслу”» [1, с. 502].

Впоследствии Дж. Сёрль подвергнет резкой критике подобное классическое представление о каузальности человеческих действий, которое неправомерно отождествляет природную (материальную) причинность с человеческой активностью [3]. Классическая модель человеческих действий, с точки зрения Сёрля, превращает человека в запрограммированного робота, лишает его свободы, тогда как на самом деле переход от одной фазы деятельности к другой не является непрерывным и однозначно предопределенным. Социальная деятельность содержит «разрывы». Мотив может воплотиться в различных конкретизированных целях, а определившаяся цель допускает различные варианты действия. По мнению американского философа, стратегия деятельности может быть изменена человеком на каждом шаге ее осуществления, и даже не исключен вариант полного отказа от ее продолжения.

Следует отметить, что Вебер отнюдь не отождествляет связь мотива с действием, с материальной причинно-следственной связью. Каузаль-

ность, о которой говорит Вебер, носит скорее логический (или смысловой) характер. Мотив как осмысленный интерес или потребность в чем-либо и есть причина зарождения социального действия. Если действие осуществляется на основе смыслового единства всех его компонентов, то оно подчиняется «правильному» идеальному типу. А правильное идеально-типическое действие реализует, по мнению Вебера, уже упоминавшуюся причинно-следственную цепочку в смысловой связи ее последовательных шагов.

«Адекватным смыслу», – пишет Вебер, – мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. «Каузально адекватной» мы назовем последовательность событий, если в соответствии с *опытными* правилами можно предположить, что она всегда будет таковой» [1, с. 611–612]. Каузальное объяснение, по мнению Вебера, социолог должен привлекать для реконструкции субъективного мотива актора именно потому, что и для самого действующего субъекта мотив выполняет функцию причины, «запускающей» действие. «Понимание» связи, – отмечает автор понимающей социологии, – всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть самое очевидное толкование в качестве значимого «понятного объяснения» [там же, с. 495].

Для понимающей социологии каузальное объяснение приобретает верификационный характер. «Правильное каузальное толкование конкретного действия означает, что соответствие внешнего хода событий его мотивам познано *правильно и что они стали понятны* по смыслу своего соотношения. Правильное каузальное толкование *типичного* действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, невзирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной) *статистической вероятностью*» [1, с. 612].

Однако верификационный статус принципа каузальности в качестве критерия адекватности истолкования субъективного смысла весьма сомнителен. Мы уже останавливались на существующей неопределенности в реконструкции адекватного субъективного смысла, которую признает и сам автор понимающей социологии. Но такая же неопределенность остается и для предположения о каузальности, которую социолог приписывает субъективным мотивам действующего субъекта. Ведь здесь повторяется та же ситуация, когда актер действует неосмысленно, а социологу только кажется, что действие каузально обусловлено мо-

тивом, или, наоборот, действие мотивировано субъективным смыслом актора, как, например, в магических практиках, а социолог считает это действие каузально не адекватным смыслу с точки зрения его «правильности».

Здесь снова проявляется принципиальное различие между познанием творческой активности человека и познанием природных явлений. Хотя можно говорить о существовании каузальных связей и в действиях человека и в природе, но они принципиально различаются в обеих сферах: в природе самой по себе нет смысла (как и мышления), а в действиях человека он присутствует. Естествоиспытатель может поставить эксперимент, воспроизведя в искусственно созданных условиях причину для подтверждения своей каузальной гипотезы, а социолог такой возможности принципиально лишен. Действующий человек – не вещь и не подопытный кролик. Социолог всегда является нейтральным наблюдателем человеческих действий. Так что каузальность, провозглашаемая Вебером в качестве «верификатора» субъективного смысла социальной деятельности, всегда остается ментальной, воображаемой, предполагаемой как для социолога, так и для самого действующего субъекта с разной степенью сопряженности (соотносимости) между ними.

Понимая существующую принципиальную неопределенность (наличие герменевтического разрыва в позициях действующего субъекта и интерпретирующего его действия социолога), Вебер, приходит к выводу о вероятности совпадения *реконструированного* социологом смысла действий актора с его подлинным субъективным смыслом. «Даже самая очевидная адекватность смыслу имеет для социологии значение правильного *каузального* определения лишь в той мере, в какой может быть доказана *вероятность* (любым образом выраженная) того, что рассматриваемое действие *в самом деле* обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточно точное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае)» [1, с. 612].

Следует отметить, что каузальный принцип в методологии Вебера имеет более широкое познавательное значение, чем интерпретативный принцип «адекватности смыслу», ибо не все действия носят осмысленный (тем более целерациональный) характер. Но принцип каузальности (причинной обусловленности) поведения человека может быть применен и к отклонениям от идеальной целерациональной деятельности, и к иррациональным действиям (лишенным правильного смысла). Так, отклонения от рациональности мы можем объяснять причинами психологического или биологического происхождения, например, болезненным состоянием, психологической внушаемостью в толпе, чувством страха при пожаре и т.д. Здесь нет речи о восстановлении «смысловой адекватности», здесь реализуется каузальное объяснение.

Немецкий социолог, как уже указывалось, признает, что в реальной жизни далеко не все действия людей являются рациональными, рассчитанными, осуществляемыми на основе продуманного плана. «Для социолога, – отмечает Вебер, – нет четких границ между: 1) более или менее

приблизенно достигнутым типом правильности; 2) типом (субъективно), целерационально ориентированным; 3) более или менее осознанным или замеченным и более или менее однозначно целерационально ориентированным поведением; 4) поведением нецелерациональным, но понятным по своим смысловым связям; 5) поведением, мотивированным более или менее понятной смысловой связью, в большей или меньшей степени прерываемой непонятными, отчасти также определяющими ее моментами; 6) наконец, совершенно непонятными психическими и физическими данностями “в” человеке и “связанными” с ним. Социолог считает само собой разумеющимся, что “рационально правильное” поведение не всегда субъективно обусловлено целерационально и что реальное поведение определяют в первую очередь не логически рационально выявляемые, а, как принято говорить, “психологические” связи» [1, с. 503–504].

Автор понимающей социологии пытается, тем не менее, выявить некоторые типичные варианты социальных действий, различающихся степенью своей рациональности. Развивая свою концепцию, Вебер вводит представление о четырех типах социального действия. Социальное действие может быть: 1) целерациональным; 2) ценностно-рациональным; 3) аффективным; 4) традиционным. Порядок классификации действий направлен в сторону понижения их рациональности.

Наиболее рациональным и соответствующим идеальному типу является целерациональное действие, все элементы и этапы которого пронизаны продуманными и согласованными смыслами актора: «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, *не* аффективно (прежде всего не эмоционально) и *не* традиционно» [1, с. 629].

Целерациональное действие представляет собой наиболее понятный тип для внешнего наблюдателя благодаря тому, что в нем все элементы действия (мотив, цель, отдельные операции, средства) логически связаны, так что с какого-то момента времени наблюдатель может предсказать дальнейшее поведение актора. Только в этом случае можно надеяться на то, что смысл, планируемый актором и «вкладываемый» им в свои действия, совпадет со смыслом внешнего наблюдателя, интерпретирующего наблюдаемое действие.

Ценностно-рациональным Вебер называет осознанное действие, направленное на реализацию какой-либо ценности или обусловленное ценностью: «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Ценностно-рациональное действие ... всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид» [1, с. 629]. И целерациональ-

ные, и ценностно-рациональные виды действий являются осознанными и, следовательно, с той или иной глубиной осмыслены действующими субъектами. Однако, если для целерациональной деятельности цель (как планируемый будущий результат действия) связана с собственным интересом актора и обуславливает выбор им «подручных» средств и стратегии действий, то для ценностно-рациональной деятельности важен не опредмеченный результат деятельности, а сама деятельность, направленная на выполнение общественного долга, служение добру, моральным нормам, общественному благу. Другими словами, в ценностно-рациональном подходе на первый план выходят не сами результаты деятельности (их утилитарный, прагматический характер), а принципы (ценности) человеческой жизнедеятельности, т.е. не столь существенно, «что» сделал субъект, сколь важно, «во имя чего» он это сделал. Логiku целерационального действия можно назвать логикой результатов (которые, конечно, задумываются, предпосылаются действию в качестве ее цели), а логiku ценностно-рационального действия – логикой смысло-жизненных принципов и идеалов.

Вместе с тем, следует отметить, что попытка строго принципиального разграничения целерациональных мотиваций и ценностных ориентаций в деятельности индивидов не выдерживает критики. Это отчасти признает и сам Вебер: «Ценностно-рациональная ориентация действия может ... находиться в различных отношениях с целерациональной» [1, с. 629–630]. Любое социальное действие действительно включает в себя и цель и ориентацию на определенные ценности. Неоднократно указывалось, что веберовский целерациональный тип наиболее релевантен капиталистическому способу производства, где на первый план (в отличие от традиционного общества) выходят товарно-денежные отношения, индустриальное производство, ориентация на получение максимальной прибыли, свободная конкуренция, рынок труда и товаров. В этих условиях главной фигурой в общественном развитии становится свободный предприниматель, деятельность которого в высшей степени является целерациональной, т.е. *рассчитанной* на прибыль, приумножение капитала, выбор средств, снижающих себестоимость продукции и т.д. Не случайно капиталистическое общество часто называют обществом всепоглощающей калькуляции. По существу, какую бы конкретную цель не преследовал предприниматель в своей деятельности (производство автомобилей, компьютеров или бизнес в сфере обслуживания), он исходит из доминантной ценности капиталистического общества: увеличение капитала, рост собственного богатства. Так что целерациональное действие (действие предпринимателя) отнюдь не свободно от ценностей.

С другой стороны, любая альтруистическая деятельность в современном обществе (которая как раз и является ценностно-рациональной) в своей реализации не исключает, а опирается на вполне рациональные промежуточные цели. Например, человек, посвятивший свою жизнь помощи бедным, больным СПИДом и т.п., обычно создает различные

благотворительные фонды, предпринимает усилия по укреплению их финансовой состоятельности, возможно, даже организует какое-либо производство для пополнения финансовых средств, которые пойдут на филантропические цели. Таким образом, чтобы осуществить главную цель своей жизни (служить добру, социальному благоденствию, сохранению экологической безопасности нашей планеты и т.д.), филантроп должен осуществить ряд целерациональных действий.

В дискуссиях о рациональности необходимо учитывать, что она сама подвержена ценностному суду истории. Вместе с исторической эволюцией системы ценностей меняются взгляды и на природу рациональности (разумности, целесообразности, логичности действий индивидов). Исторически меняются не только доминантные ценности (например, при переходе от традиционного общества к индустриальному), определяющие воспроизводство социального порядка (способа производства, социального уклада, легитимного поведения индивидов и т.д.), но и периферийные ценности, лежащие в основе приватной жизни индивидов. Например, ценности, лежащие в основе создания семьи, воспитания детей, религиозного выбора, эстетических предпочтений и т.д. Человек всегда стоит перед выбором своей личностной системы ценностей, которой он руководствуется в своей жизни.

Вместе с жизненной системой ценностей в обществе меняется и представление о рациональности. Именно в индустриальном обществе с его доминантной ценностью роста богатства (и соответственно экономической эффективности деятельности) любые альтруистические идеалы рассматриваются как отклонение от стандартов рациональности, но это «отклонение» всего лишь относительно по сравнению со среднетипическим выбором индивидов. Мы можем сказать, что целерациональное действие и ценностно-рациональное отличаются лишь типичностью (или атипичностью) ценностного выбора личности. Целерациональная деятельность ориентируется на доминантную ценность (прибыль, рост капитала, экономическую эффективность и т.д.) индустриального общества, а ценностно-рациональная – на эксклюзивную, периферийную для современной индустриальной эпохи ценность (всеобщее благо и счастье людей, социальная справедливость, защита униженных и обездоленных и т.д.).

Ценности *рационально* действующего по меркам современного индустриального общества индивида направлены «на себя» (на рост своего благополучия, богатства, общественного престижа и т.д.). Ценностно-рациональная деятельность (альтруистическая, филантропическая, религиозная, эстетическая и т.п.) направлена «на всех», на служение человечеству. В этом и состоит ее «отклонение» от принятого стандарта рациональности. Но ускоряющаяся динамика общественной жизни может в будущем перевернуть эту иерархию ценностей и вместе с тем стандарты рациональности в поведении индивидов.

Чем больше личностные ценности отличаются от общепринятых в обществе, тем труднее внешнему наблюдателю, по мнению Вебера, по-

нять их. «С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна*, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)... Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже в сущности лишь пограничный случай» [1, с. 630].

Аффективный и традиционный типы деятельности, по Веберу, выходят за пределы рациональности, т.е. ее осмысленности актором. Аффективное действие обусловлено «аффектами или эмоциональным состоянием индивида» [1, с. 628]. Индивид, по мнению Вебера, действует «под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были» [там же, с. 629].

Традиционное действие основано на следовании существующим в обществе традициям, часто оно «подобно чисто реактивному (т.е. не осмысленному. – А. К.) подражанию» [1, с. 628]. Следовательно, если субъект в своих действиях ориентируется на поведение других в качестве «образца», парадигмы, т.е. действует в каждом конкретном случае так, как поступают в этих случаях «все», он действует традиционно.

Хотя эти действия Вебер не считает рациональными, все же он допускает, что они могут быть поняты и истолкованы социологом. Именно в вопросе понимания действий, не основанных на заранее продуманном субъективном смысле, у Вебера начинаются муки с термином «понимание». «Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, – утверждает немецкий социолог, – мы “понимаем” и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. «Понятное» не имеет четких границ для эмпирических дисциплин» [1, с. 495]. Но как же можно понять субъективный смысл в действиях актора, если его там не было?

Нам представляется, что действия аффективные, реактивные, иррациональные и т.п. социолог понимает примерно так же, как естествоиспытатель понимает нагревание металла под действием электрического тока, или его притягивание магнитом, т.е. каузально, вскрыв причину наблюдаемого феномена. «Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были» [там же, с. 629].

Другими словами, «интеллектуальное понимание», нацеленное на герменевтическую реконструкцию субъективного смысла здесь не «срабатывает», поскольку отсутствует первичный субъективный смысл самого действия. Правильнее вместо термина «понимание» в данных

условиях употреблять термин «объяснение». Именно в этом контексте становится понятным следующее пояснение Вебера: «“Понимание” связи всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть самое очевидное толкование в качестве значимого «понятного объяснения»» [1, с. 495]. Примерно так и понимают наблюдатели действия людей в состоянии аффекта, когда ревнивый муж убивает любовника своей жены, или человек в страхе от угрожающего пожара выбрасывается из окна высотного здания. Однако, говоря о действиях аффективных и эмоциональных, Вебер некритически заимствует известную психолого-герменевтическую концепцию сопереживаний. Однако совершенно ясно, что для того, чтобы понять по явно выраженным симптомам, что какой-то человек гневается, совсем необязательно сопереживать этому человеку.

Вызывает возражение категорическое вынесение Вебером традиционного действия за пределы «осмысленного». Все дело в том, что к традициям, существующим в какой-либо сфере общественной жизни, можно относиться как неосознанно, так и осознанно, принимая их в качестве ориентаций своих действий, либо действовать вопреки им, осознавая последствия такого действия. Сам Вебер напоминает, что «традиции всюду стали источником значимости» [1, с. 634]. Если под традициями понимать аккумулированный жизненный опыт какой-либо группы или человечества, то никакое социальное действие не может так или иначе не соотноситься с существующей традицией. Это относится как к повседневной деятельности, так и к профессиональной (например, искусство, наука и т.д.) Лишь чисто подражательные действия лишены осмысленности со стороны действующего субъекта.

Мы показали, что теория понимающей социологии не лишена противоречий и двусмысленностей. Это касается прежде всего концепта «понимания», который амбивалентно трактуется Вебером то как «интерпретация смыслов» наблюдаемого социального действия (герменевтическая парадигма), то как «каузальное объяснение» мотивов актора (естественнонаучная парадигма). То же касается классификации идеальных типов, которые у Вебера плавно флюктуируют от жесткой рациональности к полной иррациональности. Однако последнее замечание не может быть поставлено в вину Веберу, ибо в самой повседневной жизни существует многообразие различных установок и способов действий людей. Конкретные субъекты в разных условиях осуществляют свои действия с различной степенью осмысленности, в которых могут присутствовать в «перемешанном» виде элементы и рациональности, и аффективности, и традиционности. Ограниченность своей классификации прекрасно понимал сам автор понимающей социологии, указывая, что «сама эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентации действия; они являются собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается

реальное поведение или – что встречается значительно чаще – из которых оно состоит» [1, с. 630]. Другими словами, идеальные типы – это всего лишь теоретические идеализации (свойственные всем наукам), оправданность которых следует каждый раз проверять в эмпирических наблюдениях. В любом случае смысл деятельности актора, раскрываемый наблюдателем, является его собственной конструкцией, претендующей лишь на правдоподобие, а не имманентным смыслом самого действующего субъекта.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990.
2. Кравец А. С. Три парадигмы смысла / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 2004. – № 6.
3. Сёрль Дж. Рациональность в действии / Дж. Сёрль. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
4. Бергер П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995.
5. Гайденок П. П. Социология Макса Вебера / П. П. Гайденок // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.

Воронежский государственный университет

Кравец А. С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания

E-mail: kravets@vmail.ru

Тел.: (4732) 77-31-07

Voronezh State University

Kravets A. S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: kravets@vmail.ru

Tel.: (4732) 77-31-07